

РАЗДЕЛ II. ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 341.462.2

В.Ю. Даренский
V.Yu. Darenskiy

И.С. ШМЕЛЕВ — ЖУРНАЛИСТ
I.S. SHMELEV — JOURNALIST

Аннотация:

Рассматриваются сущностные черты наследия И.С. Шмелева как журналиста и публициста. Ему принадлежит более 60 газетных публикаций на различные темы, в которых отражен взгляд на трагические события XX в. с православной точки зрения и на основе русского исторического мировоззрения. Однако журналистское и публицистическое наследие И.С. Шмелева до настоящего времени остается почти не исследованным. В статье показано, что в основе этих текстов И.С. Шмелева лежит символическая система понимания русской истории вообще и трагедии России XX в. в частности. Можно выделить в этой системе четыре ключевых мистических символа: 1) верх: Голгофа, Дух и богосыновство русского народа; 2) низ: недра, земля, вселенское зло антихристово «интернационала»; 3) центр: Россия, Кремль, «горсточка» («малый остаток», «соль земли»); 4) сквозной символ: свет, «Божия молния в человеческой пещере» (по выражению И.А. Ильина). Своим особым даром сердечного слова И.С. Шмелев сумел наполнить торжественный, «одический» стиль газетных и мемуарных публикаций особой внутренней проникновенностью, обращенностью в самую душевную глубину читателя.

Ключевые слова: Иван Сергеевич Шмелев, журналистика, Россия, подвиг.

Abstract:

The essential features of the legacy of I.S. Shmelev as a journalist are considered. He owns more than 60 newspaper publications on various topics, which give a look at the tragic events of the twentieth century from an Orthodox point of view and on the basis of the Russian historical worldview. However, the journalistic legacy of I.S. Shmelev remains almost unexplored to this day. The article shows that these texts by I.S. Shmelev are based on a symbolic system of understanding Russian history in general and the tragedy of twentieth-century Russia in particular. There are four key mystical symbols in it: 1) top: Golgotha, the Spirit and the sonship of the Russian people; 2) bottom: the bowels, the earth, the universal

Evil of the Antichrist «international»; 3) center: Russia, the Kremlin, «handful» («small remnant», «salt of the earth»); 4) through symbol: light, «God's lightning in a human cave» (I.A. Ilyin). In his newspaper and memoir texts, I.S. Shmelev, with his special gift of the cordial word, managed to fill the solemn, «odic» style with a special inner penetration, turning into the very soul depth of the reader.

Keywords: Ivan Sergeyevich Shmelev, journalism, Russia, feat.

В наследии Ивана Сергеевича Шмелева существенное место занимают газетные статьи, написанные на текущие животрепещущие темы, часто заказанные ему к определенным знаменательным датам. Такие тексты представляют собой не просто публицистику, а именно журналистику как особый жанр творчества. Своеобразие журналистики как особого жанра публицистики в данном случае состоит в том, что она не только пишется «на злобу дня», но и имеет определенный настрой прямой обращенности к читателю, избегая разного рода условности. Ее моделью является живой разговор, только как бы перенесенный на бумагу. Кроме того, если публицист, пишущий по настроению время от времени, обычно обращен к своей целевой аудитории, то текст публициста-журналиста всегда обращен ко всем, т. е. к максимально широкой читательской аудитории. А это означает не только умение автора «упрощать» мысль, но и особое мастерство ее популярного изложения, которым владеют далеко не многие.

В 1967 г. Русским научным институтом при Русской Академической группе в Париже было издано собрание газетных статей И.С. Шмелева под общим названием «Душа Родины» — ровно 60 текстов, опубликованных им с 1924 по 1950 г.²⁴¹ Такой объем уже сам по себе показывает, что журналистика не была для И.С. Шмелева делом лишь случайным, но являлась жизненно важной задачей. Особенно значимы серии его очерков 1924 г. в «Русской газете» и 1927 г. в различных печатных органах, объединенные темой 10-летия Русской Голгофы. Кроме того, классикой русской журналистики можно считать его очерки о русских святых — воспоминания «Как мы открывали Пушкина» (1926), «Старый Валаам» (1935), «Как я ходил к Толстому» (1936), «У старца Варнавы (к 30-летию со дня его кончины)» (1936) и особенно «Богомолье» (1930—1931). В настоящее время уже началось исследование этой важнейшей стороны творчества писателя, в частности, в статьях Л. Деминой и С.Л. Фирсова²⁴².

---

²⁴¹ Шмелев И.С. Душа Родины: Сб. статей от 1924—1950 гг. Париж: Рус. науч. ин-т при Рус. Академ. группе в Париже, 1967. 338 с.

²⁴² Демина Л. «Русская душа» в публицистике Ивана Шмелева // Парус.

Журналистика И.С. Шмелева — важный компонент его наследия, в нем наиболее непосредственно проявился его дар *сердечной беседы* с читателем. Журналистика — синтетический жанр, включающий в себя компоненты всех других: есть в нем и аргументация спора, и документальность, и образность поэзии, и последовательность прозы. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя и «Дневник писателя» Ф.М. Достоевского задали тот высочайший канон, на который ориентирована вся последующая традиция. Русская журналистика всегда несла в себе, с одной стороны, особый тон сердечной обращенности к читателю и исповедальности писателя — с другой. В ней нет той холодной отстраненности «моего мнения», которая чаще всего свойственна писателям западной традиции. Поэтому журналистика русских писателей является столь же важной частью их творческого наследия, как и художественные тексты. Более того, иногда она может становиться даже более важной — в тех случаях, когда читатель находится в мировоззренческих поисках и ждет прямого слова убеждения, уже не опосредованного условностями художественного образа. Журналистика — тоже вид искусства: это искусство мысли, пронизанной живым личным чувством и рождающей выстраданную устремленность.

Журналистика И.С. Шмелева обращена именно к такому читателю, что обусловлено особой трагичностью той исторической ситуации, в которой она создавалась. Как писал об этом сам И.С. Шмелев в статье «Как нам быть? (Из писем о России)»: «Проклинаете, угрожаете, судить хотите?.. Оставьте маленькое, не опалайте духа. Для творческого дела храните святой огонь. Злое коварно прельщает вас — растратить себя впустую. Соберите себя, готовьтесь к выдержанной борьбе. Духовно вооружайтесь: придет время»²⁴³. Но это преображение *уже* произошло: «Вы, герои, полюбили ее и отдали за нее все — за светлую, грезящуюся вам Россию, за Белую Россию, — не за могильный саван ее, а за белые пелены Рождения! По вере вашей, по мукам вашим — родится она, должна родиться! И больно, что есть люди, русские люди, которые все еще не хотят прозреть, все еще не хотят понять, что ваша борьба за Нее есть жертва за прошлые ошибки и преступления, великая жертва необходимости, страшная историческая правда, а не ошибка»²⁴⁴.

2018. № 9. С. 54—67; *Фирсов С.Л.* «Если мы хотим России»: восприятие России в эмигрантской публицистике Ивана Шмелева // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2020. Т. 21. № 4-1. С. 286—299.

²⁴³ *Шмелев И.С.* Как нам быть? // *Шмелев И.С.* Собр. соч. В 12 т. Т. 8. М.: «Сибирская благовонница», 2008. С. 471.

²⁴⁴ *Шмелев И.С.* Как нам быть? С. 472.

Публицистика И.С. Шмелева, с одной стороны, обращена к самым интимным глубинам человеческой души, но, с другой, исполнена глубоких историософских смыслов, и в этом ее непреходящая ценность. В своей монографии — исследовании художественного мира Шмелева Л.А. Спиридонова так сформулировала главную смысловую основу всего его творчества: «Образ Света проходит через все произведения Шмелева, присутствуя в пейзажных зарисовках, в любовных признаниях, в философских размышлениях и в публицистике»²⁴⁵. Газетная публицистика И.С. Шмелева в целостности его художественного мира занимает немалое место, поскольку также являет этот главный образ.

В своем понимании самой природы и задач газетной публицистики И.С. Шмелев исповедовал высокие нравственные принципы. В весьма яркой и своеобразной форме он высказал их, например, в письме А.И. Деникину 1 апреля 1927 г.: «...решил “Последним новостям” не доставлять удовольствия — репликами заполнять газетное чрево. Вчера, на вечере Бальмонта, опять судьбе было угодно поставить меня с Милюковым. А затем, при ухмылках Павла Николаевича и подергиваниях, я еще на словах отрапортовал... А он поезживался и вилял на мои прямые слова. Говорю: раньше печать была совестливая, а вот Вы из-за политических выигрышей в одно место валите и соль, и сахар, и пряности. Так нельзя-с!»²⁴⁶ Печать должна быть *совестливая* и «не заполнять репликами газетное чрево» — вот суть работы журналиста.

Эти высшие нравственные принципы журналистики И.С. Шмелев смог реализовать даже в условиях гитлеровской оккупации Франции. В годы Второй Мировой войны Шмелев публиковался в «Парижском вестнике» — газете, в которой также печатались прозаик генерал П.Н. Краснов (самый читаемый автор Русского зарубежья) и выдающийся казачий поэт Н.Н. Туроверов. Сам Шмелев вспоминал об этом так: «Я печатался в “Парижском Вестнике”: там было напечатано четыре моих рассказа и одна литературная статья. Почему там печатался? А вот почему. Для сотен тысяч русских людей, пригнанных немцами в Европу, не было русской газеты. Когда нарождалась газета “Пар. Вест”, ее редактор просил меня о сотрудничестве. Я спросил, на чьи деньги. — “На русские, начинаем с нашими 3 т. фр. Массам отсюда нужна русская газета”. Я понимал, что нужна и что им нужно в ней. Я решил — печататься, для них. Говорить то, что я говорил всегда, — о России, о ее величии, о ее мате-

---

²⁴⁵ Спиридонова Л. Художественный мир И.С. Шмелева. М.: ИМЛИ им. А.М. Горького, 2014. С. 133.

²⁴⁶ Шмелев И.С. Письмо А.И. Деникину 1 апреля 1927 г. // Иван Шмелев и Антон Деникин: письма, избранная проза / Сост. Т.В. Марченко. М.: Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына, 2023. С. 104.

риальном и душевно-духовном богатстве. Немцы, и не одни они — искажали подлинный лик России. Писали, что Россия — “историческое недоразумение”, ни истории, ни культуры, великая степь — и в ней дикари. Немцы показывали этих “дикарей”, возя русских пленных и пригнанных, стойком на камионах, по Берлину, одев в отрепья ... — “Смотрите дикарей! мы несем им культуру!”... Это было. Было и многое другое, куда страшней. О сем дошло и до русского Парижа. Оставить без ответа эту ложь? Мне как бы открывался случай, в меру моих сил, хотя бы в узах, скрутивших слово, образно опровергнуть гнусную клевету. Я полагал, что мои рассказы о родном могут содействовать этой цели. Я не ошибся, чему имеются подтверждения»²⁴⁷. «Я шел на жертву, работая в такой газетке, — продолжает Шмелев. — Но что же делать? Хоть через вражий орган “шептать” правду... — поймут, вздохнут, хотя бы слабый лик России почувствуют. Меня читали — и были благодарны. И все это — никак не значит, что я “работал с немцами”: моя работа шла как раз вразрез с их целью»²⁴⁸.

В письме Томасу Манну (который в 1931 г. выдвигал И.С. Шмелева на Нобелевскую премию, будучи потрясен его «Солнцем мертвых») от 12 января 1931 г. Шмелев писал: «Наше искусство “искушает” человека, манит, чарует снами, вызывает восторг перед возможным и недостижимым, трепет перед падением, надежду на возрождение. Мы творим и, творя, показываем людям *наш* мир, нашей душой очищенный, — мир мечты. Какое высокое и какое ответственное призвание!»²⁴⁹. Приводя в своем письме строки Пушкина «Духовной жаждою томим, / В пустыне мрачной я влачился...», он отмечает: «В этом “Пророке”, что ни слово — заповедь писателю, его скрижаль»²⁵⁰. Поэтому известный богослов А. Карташев так писал о Шмелеве: «Это уже не литература... Это “душа просит”. Это утоление голода духовного»²⁵¹.

Тем самым И.С. Шмелев в своем творчестве восходит к самым глубоким, «архетипическим» основаниям христианского художественного творчества, суть и смысл которого очень точно были сформулированы С.С. Аверинцевым: «Настоящее свое состояние, каким бы относительно

---

²⁴⁷ Шмелев И.С. Необходимый ответ. Письмо в газету // Шмелев И.С. Собр. Соч. В 5 т. Т. 7 (доп.). Это было: Рассказы. Публицистика. М.: «Русская книга», 1999. С. 553—554.

²⁴⁸ Шмелев И.С. Необходимый ответ. С. 555.

²⁴⁹ Переписка И.С. Шмелева и Томаса Манна // Мосты. Литературно-художественный и общественно-политический альманах. 1962. № 9. С. 322.

²⁵⁰ Переписка И.С. Шмелева и Томаса Манна. С. 323.

²⁵¹ Карташев А. Певец святой Руси (Памяти И.С. Шмелева) // Возрождение. Париж. 1950. № 10. С. 157.

благообразным оно ни было, христианин не может не оценивать как позорное, ибо обязывается измерять его меркой абсолютного... Христианство внушает человеку, что он есть носитель образа Божия — каких же слез хватит, чтобы оплакать унижение этого образа? Совершенно неизвестный античности надрыв скорби о помраченном Божьем образе в человеке становится темой византийской религиозной лирики»²⁵². Точно такой же «надрыв скорби о помраченном Божьем образе в человеке» мы видим и в творчестве И.С. Шмелева, в том числе в его публицистике.

Сам Шмелев хорошо осознал это и писал об этом в статье «О Достоевском»: «Намерение Достоевского — дать “совершенно прекрасного человека” — не получило осуществления. Но, непроизвольно, по вдохновению, осуществилось другое, важнейшее, как бесспорный вывод: устройство царства Божия на земле, освобождение от греха и смерти возможны только путем религиозного обновления»²⁵³. Такова вообще самая изначальная глубинная интенция всей русской литературы, с кристальной ясностью выраженная еще Пушкиным. П.В. Палиевский в статье «Пушкин как человеческая задача русской литературы» отмечал: «Выпрямляющая способность пушкинской личности в полном смысле неопределима»²⁵⁴. Эта «выпрямляющая способность» воздействия на личность — главный родовый признак русской литературы, отличающий ее от основного «тренда» литературы европейской, который состоит в первую очередь в эстетическом гедонизме и самоутверждении человеческого «Я».

Но И.С. Шмелев в XX в. представлял тип художника, сознательно обращенного к православным основам не только творчества, но и самого бытия русского народа — основам, которые и сформировали наш народ на протяжении веков и которые поныне составляют основу его жизнеспособности. В статье «800-летие Москвы» Шмелев писал об этом так: «После вековых порабощений русская душа осталась живой, свободной. Как отзывались чужеземцы о русском мужике, о “крепостном рабе”? Много о сем свидетельств. Удивительно свидетельствовали о нем как о свободном человеке, державшем себя с достоинством, говорящем как равный с равным. Откуда это? От сознания своего “образа-подобия”, от научения от своих святых, от высокого своего *родства* — от несознательного своего *богосыновства*. Не раб, и никогда не станет ничьим рабом, пока жива православная душа, пока живы в душе *истоки*, забившие в ней *купели*. Вождение святыми хранило и сохранило в русском народе — че-

²⁵² *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. СПб.: «Азбука-классика», 2004. С. 86.

²⁵³ *Шмелев И.С.* О Достоевском // *Шмелев И.С.* Собр. соч. В 5 т. Т. 7 (доп.). С. 588.

²⁵⁴ *Палиевский П.В.* Литература и теория. М.: «Советская Россия», 1979. С. 40.

ловека»²⁵⁵. Здесь И.С. Шмелев задает принципиально иные координаты понимания русской истории по сравнению с теми, к которым приучала светская историография, видевшая в истории исключительно материальные и социальные реалии, совершенно не видя и не понимая их духовного смысла. На самом же деле если видеть русскую историю сознанием православного человека, то это история самого свободного в мире народа, который нес *иго Христово*, т. е. обладал высшей духовной свободой.

Исходя из этого, Шмелев формулирует важнейший императив: «Это проникание к истокам, эта “любовь к отеческим гробам”, “к родному пепелищу”, это вслушивание в шепоты прошлого... – крепит падающих духом... Должно как священный долг исполнять завет Пушкина: любить родные недра и показывать юным, чем жила, строилась, вдохновлялась и хранила себя Москва – Россия. А там – празднование бытия Москвы может оставить следствия, особенно у юных, пытливых духом. Проникание к *недрам* – целебное лекарство; оно будит и выпрямляет дух»²⁵⁶.

В рамках этого императива особо значимы отдельные события русской истории, особенно новейшей. В статье к 10-летию легендарного Ледяного похода (1918) «Подвиг (Ледяной поход)» Шмелев писал о том, что лишь «горсточка добровольцев» ушла в степи Кубани, но эта «горсточка» и стала тем «семенем» будущей России, которая воскреснет, несмотря ни на что. «Ушла, — писал он, — чтобы продолжить борьбу со стихиями и с врагом не человеческим только, а стихийным, не земным только, а вселенским, — борьбу со Злом, принявшим личину большевизма. Горсточка — и стихия Зла, всеми оставленные — и всемогущее, на человеческую мерку, Зло, овладевшее Россией, всеми силами и богатствами ее, всеми жизнями, Зло, прожигающее души соблазнами, властвующее насилием безмерным. И горсточка — продолжала вести борьбу. На человеческую мерку — *безумие*. Но у этой горсточки уже не было человеческой мерки. Подвигом Духа переросла она эту мерку, руководилась не человеческим, а иным, высшим, непостижимым умом. В этом безумии проявилась извечная трагедия божественной сущности в существе, ограниченном телесно: божественное *повелело* — и горсточка пошла на свою Голгофу. Тут не рядовое событие истории, а неизмеримое временем — трагедия борьбы Божеского и дьявольского»²⁵⁷.

Столь глубокое метафизическое и даже мистическое прозрение в суть исторических событий — не менее значимое достижение И.С.

---

²⁵⁵ Шмелев И.С. 800-летие Москвы // Шмелев И.С. Собр. соч. В 5 т. Т. 7 (доп.). С. 567.

²⁵⁶ Шмелев И.С. 800-летие Москвы. С. 568.

²⁵⁷ Шмелев И.С. Подвиг (Ледяной поход) // Шмелев И.С. Собр. соч. В 5 т. Т. 7 (доп.). С. 506.

Шмелева, чем его художественное открытие вечно живой, даже под покровом современной цивилизации, православной России. Более того, как мыслитель он дал и общую «формулу» православного видения русской истории: «В этом частном и как бы провинциальном для мира случае проявляется величайшее *общее*: трагедия человека на земле. Перед горсточкой был поставлен сплетением исторических событий страшный выбор — как бы ответ того, евангельского выбора, когда Добро и Зло стали лицом к лицу, когда дьявол показывал Ему все царства мира и славу их и говорил: “все это дам Тебе, если, падши, поклонись мне”. И горсточка выбор сделала: пошла путем Его. И зрителям мира показала — и кровью своей закрепила, — что есть сокровища, которых *нельзя* отдать ни даже за целый мир. Русские добровольцы, как “бедный рыцарь”, имели одно виденье, непостижимое уму, — Ее, Россию, и все, что у рыцаря слито с Ней, воплощено в Ней, олицетворено Ею. И, верные сладостной мечте, полные чистою любовью, они начертали на щите своею кровью святое имя Ее»²⁵⁸. Таково духовное прозрение И.С. Шмелева.

Эта жертвенность ради России сделала героев Ледяного похода причастниками жертвы Христовой: «Этот подвиг — уход в ледяные степи, — определяемый условным человеческим временем — 9/22 февраля 1918 г., — имеет бессмертный смысл — ответ Голгофской жертвы. Этот подвиг роднится с чудеснейшими мигами человеческого мира, когда на весах Совести и Любви взвешивались явления двух порядков: тленного и нетленного, рабства и свободы, бесчестия и чести. Этот подвиг — проявление высокого русского гражданства: в подвиге этом не было ни различия классов, ни возраста, ни пола — все было равно, едино, все было — общая жертва жизнью. Ледяной поход длится. Он вечен, как бессмертная душа в людях, — негасимая лампада, теплящаяся Господним Светом»²⁵⁹. Такое поразительное мистическое видение сущности событий русской истории — редкое явление даже для лучших русских мыслителей XX в.

Несомненным шедевром русской журналистики, настоящей классикой этого жанра является вдохновенный очерк Шмелева «Крестный подвиг», опубликованный в 1924 г. Именно в нем впервые показано, что Белое движение было подвигом по образцу Крестной жертвы Спасителя — и, точно так же оболганное, оно внесло свет Христов в историю. Вот слова Шмелева:

«Аще не умрет — не оживет»!

То, что вы были, — это пропасть не может!

---

²⁵⁸ Шмелев И.С. Подвиг (Ледяной поход). С. 506—507.

²⁵⁹ Шмелев И.С. Подвиг (Ледяной поход). С. 507.

И самоотвержение, и неоправданные обиды, и мученья, и погибшие в пытках, и слезы, и кровь, и жертвы — все это — есть, все — сущность! Это пути к правде неистребимой, к Богу в человеке, в народе нашем! Они не позволят угаснуть в России нашей — великому смыслу жизни! Это же пути к вечности, пути Божьи, какими человечество движется к величайшему завершению. Это же те черты, те чудесные линии, из чего создается Лицо Лучезарное, Душа России! Это — искры и огни Света, и намекает из них туманный еще пока, божественный образ в человеке. Незримо, но совершается.

“Камень, Его же отвергли строители...”

Вы суть камни и душа того Здания, которое воздвигается. И вы — увенчаете его! И жизнь опять чаши наполнит, что расплескали, и поставит опрокинутые столы! Вы открытой грудью подойдете к великому страдальцу, к народу-брату, и он узнает вас! Он увидит и раны ваши, и муки ваши — он все поймет и сольется нерасторжимо с вами»²⁶⁰.

С другой стороны, И.С. Шмелев как писатель и бытописатель очень зорок и к живой конкретике исторического процесса: он понимает высокую значимость тех конкретных исторических форм бытия народа, без которых он не стал бы тем, кто он есть. В статье «Слово о “Татьяне”» он писал: «Русская мысль и русская наука всегда устремлялись в дали. И часто не замечали и не ценили ближайшего. А ближайшее было — сама Россия, увязанная жилами всего русского народа, чудесной его историей. Мы слишком всегда хотели... Европы! В Европу — поверх России. В Европу далее. Мы слишком были нетерпеливы. Мы проглядели многое. Мы знали Европу больше, чем Россию, чем сама знает себя Европа. Мы пробежали мимо Кремля, мы наскоро проглядели национальное, не ухватив с корнями, легкодушно отдали прошлому и... докатились до интернационала»²⁶¹. «Все продушины, из которых мог бы повеять свободный воздух, воздух России самобытной, — объявлялись подвальными. Молодежи выкалывали глаз правый, а на левый надевали очки, большей частью розовые. Стряпали по облюбкованному лекалу»²⁶². В этом и были истоки русской катастрофы.

Как писала биограф Шмелева Н.М. Солнцева, писателю удалось «в так называемой новой, сугубо интимной и импрессионистской, манере передать ощущение русского мира. Шмелев это блистательно сделал и в “Богомолье” (1930—1931)... “Богомолье” эмиграцию захватило.

---

²⁶⁰ Шмелев И.С. Душа Родины. С. 29—30.

²⁶¹ Шмелев И.С. Слово о «Татьяне» // Шмелев И.С. Собр. соч. В 5 т. Т. 7 (доп.). С. 314.

²⁶² Шмелев И.С. Слово о «Татьяне». С. 315.

Оно стало культовым»²⁶³. После войны, уже в последние годы жизни И.С. Шмелев написал очерк «Угодники Соловецкие» (1948), основанный на воспоминаниях бывшего узника Соловецкого лагеря. Важны и его очерки «Приволье. К 45-летию кончины А. Чехова: 2 июля 1904 г.» (1949), и особенно некролог «Памяти «Непреклонного»» (газета «Русская мысль» от 16.08.1947). Шмелев писал: «Великая и чреватая страница русской истории заключена: «Скончался генерал Деникин». Не только — русской истории. Генерал Деникин, его служба — связаны с историей вообще, как связана Россия с миром. На протяжении ряда лет «дело Деникина» взвешивалось на мировых весах. От удачи или неудачи этого дела зависели будущие судьбы человечества. Ныне мы это видим. Это определяет место Деникина в истории. Долго еще историки, политики и государственники будут вглядываться в эту чреватую страницу. Она содержит много учительного, пророческого. Эта страница вскроет много теней и света, но не откроет ни единого темного пятна, Россия не постыдится своего сына: в его «послужном списке» самые яркие искатели «темных черт» не сыщут для себя удовлетворения, В этой странице крови, горя и слез найдут лавры и розы, найдут славу... найдут непроходимые стены терний, но будут бессильны ткнуть в проступки и преступления — там их нет. Могут подсчитывать ошибки, но не отыщут грязи, подделок, сделок, криводушия, клеветы... — всего того, что связывается обычно с «исторической личностью». Это уже победа. Это — слава и увенчание. Эта победа личности накрепко сплетена со славой и победой национальной. Немного найдется в истории такой чистоты служения»²⁶⁴.

В этом и других газетных текстах И.С. Шмелев своим особым даром *сердечного слова* умеет наполнять торжественный, «одический» стиль особой внутренней проникновенностью, обращенностью в самую душевную глубину читателя. Такое редко кому удавалось даже среди писателей всей русской эмиграции. Другая сторона его дара состояла в глубине мысли.

Значимость И.С. Шмелева как мыслителя была засвидетельствована его выдающимися собеседниками. В письме Шмелеву от 23.02.1927 И.А. Ильин отмечал: «В каждой строчке Вашей философия живет и поет... Ведь философия — это не резонерство, а рост смысла в страдании; не выверты рассудка, а зовы и звоны таинственного колокола, молитва сокровенного ума; Божия молния в человеческой пещере. Все истинно художественное — философично: тою главною мудростью, из-за кото-

²⁶³ Солнцева Н.М. Иван Шмелев. Жизнь и творчество: Жизнеописание. М.: «Эллис Лак», 2007. С. 249, 251.

²⁶⁴ Шмелев И.С. Памяти «Непреклонного» [Некролог А.И. Деникину] // Иван Шмелев и Антон Деникин. С. 409.

рой вообще и на земле-то стоит жить. А Ваши создания — дышат этой философией, поют ею»²⁶⁵. К этому нужно добавить то, о чем уже было сказано выше, — философские прозрения И.С. Шмелева основаны на его мистических проникновениях в самую «плоть» исторического процесса, что под силу лишь художнику слова.

В публицистике И.С. Шмелева присутствует целостная символическая система понимания русской истории вообще и трагедии России XX в. в частности. Можно выделить в ней четыре ключевых мистических символа: 1) верх: Голгофа, Дух и богосыновство русского народа; 2) низ: недра, земля, вселенское Зло антихристового «интернационала»; 3) центр: Россия, Кремль, «горсточка» («малый остаток», «соль земли»); 4) сквозной символ: свет, «Божия молния в человеческой пещере» (И.А. Ильин). Эта символическая система требует более детального исследования.

Наследие И.С. Шмелева как журналиста и публициста — та важнейшая сторона его творчества, которая до настоящего времени остается почти не исследованной. Вместе с тем, оно имеет не только исторический интерес, но и является высоким интеллектуальным и духовно-нравственным образцом для русской журналистики нашего времени.

Список литературы

1. *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. СПб.: «Азбука-классика», 2004. 480 с.
2. *Демина Л.* «Русская душа» в публицистике Ивана Шмелева // Парус. 2018. № 9. С. 54—67.
3. *Ильин И.А.* Переписка двух Иванов (1927—1934) // *Ильин И.А.* Собрание сочинений. М.: «Русская книга», 2000. 555 с.
4. *Карташев А.* Певец святой Руси (Памяти И.С. Шмелева) // Возрождение. Париж. 1950. № 10. С. 155—157.
5. *Палиевский П.В.* Литература и теория. М.: «Советская Россия», 1979. 288 с.
6. Переписка И.С. Шмелева и Томаса Манна // Мосты. Литературно-художественный и общественно-политический альманах. 1962. № 9. С. 317—324.
7. *Солнцева Н.М.* Иван Шмелев. Жизнь и творчество: Жизнеописание. М.: «Эллис Лак», 2007. 512 с.
8. *Спиридонова Л.* Художественный мир И.С. Шмелева. М.: ИМЛИ им. А.М. Горького, 2014. 240 с.

---

²⁶⁵ *Ильин И.А.* Переписка двух Иванов (1927—1934) // *Ильин И.А.* Собрание сочинений. М.: «Русская книга», 2000. С. 16.

9. *Фирсов С.Л.* «Если мы хотим России»: восприятие России в эмигрантской публицистике Ивана Шмелева // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Т. 21. № 4-1. 2020. С. 286—299.

10. *Шмелев И.С.* 800-летие Москвы // *Шмелев И.С.* Собрание сочинений. В 5 т. Т. 7 (доп.). Это было: Рассказы. Публицистика. М.: «Русская книга», 1999. С. 563—568.

11. *Шмелев И.С.* Душа Родины: Сб. статей от 1924—1950 гг. Париж: Рус. науч. ин-т при Рус. Академ. группе в Париже, 1967. 338 с.

12. *Шмелев И.С.* Как нам быть? // Шмелев И.С. Собрание сочинений. В 12 т. Т. 8. М.: «Сибирская благовонница», 2008. С. 471—488.

13. *Шмелев И.С.* Необходимый ответ. Письмо в газету // *Шмелев И.С.* Собрание сочинений. В 5 т. Т. 7 (доп.). Это было: Рассказы. Публицистика. М.: «Русская книга», 1999. С. 553—556.

14. *Шмелев И.С.* О Достоевском // *Шмелев И.С.* Собрание сочинений. В 5 т. Т. 7 (доп.). Это было: Рассказы. Публицистика. М.: «Русская книга», 1999. С. 568—589.

15. *Шмелев И.С.* Памяти «Непреклонного» [Некролог А.И. Деникину] // Иван Шмелев и Антон Деникин: письма, избранная проза / Сост. *Т.В. Марченко*. М.: Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына, 2023. С. 409—413.

16. *Шмелев И.С.* Письмо А.И. Деникину 1 апреля 1927 г. // Иван Шмелев и Антон Деникин: письма, избранная проза / Сост. *Т.В. Марченко*. М.: Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына, 2023. С. 104—106.

17. *Шмелев И.С.* Подвиг (Ледяной поход) // *Шмелев И.С.* Собрание сочинений. В 5 т. Т. 7 (доп.). М.: «Русская книга», 1999. С. 506—507.

18. *Шмелев И.С.* Слово о «Татьяне» // *Шмелев И.С.* Собрание сочинений. В 5 т. Т. 7 (доп.). М.: «Русская книга», 1999. С. 312—317.

Сведения об авторе

Даренский Виталий Юрьевич, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского. E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

Information about the author

Darensky Vitaly Yuryevich, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Philosophy Department of the K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology and Management. E-mail: darenskiy1972@rambler.ru